

Петр Быков

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Петр Быков
Д. Н. Мамин-Сибиряк

«Public Domain»

1915

Быков П. В.

Д. Н. Мамин-Сибиряк / П. В. Быков — «Public Domain», 1915

«Угрюмый, мощный и полный дикой красоты Урал. В самом центре его гор, ярко-зеленых летом и кажущихся меловыми от снегов зимою, в Верхотурском уезде Пермской губернии стоит большой завод, „основанный для дела железа и латунной меди“ знаменитыми русскими богачами Демидовыми. Широко раскинулся он у впадения реки Шайтанки в правый приток реки Чусовой, Межевую Утку, и близ впадения в последнюю небольшой речки Висим. По рекам этим и носит он название Висимо-Шайтанского завода, занимающего юго-западную часть Нижне-Тагильского горного округа...»

Петр Быков

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Угрюмый, мощный и полный дикой красоты Урал. В самом центре его гор, ярко-зеленых летом и кажущихся меловыми от снегов зимою, в Верхотурском уезде Пермской губернии стоит большой завод, «основанный для дела железа и латунной меди» знаменитыми русскими богачами Демидовыми. Широко раскинулся он у впадения реки Шайтанки в правый приток реки Чусовой, Межевую Утку, и близ впадения в последнюю небольшой речки Висим. По рекам этим и носит он название Висимо-Шайтанского завода, занимающего юго-западную часть Нижне-Тагильского горного округа. Здесь у местного заводского священника, отца Наркиса Мамина, 25 октября 1852 года и родился, второй по счету, сын Дмитрий, которому суждено было впоследствии сделаться вдохновенным певцом Урала, замечательным бытописателем, и по силе своего художественного таланта занять почетное место в нации изящной словесности на ряду с Антоном Чеховым, Вл. Г. Короленко, И. Н. Потапенко. Биография писателя, от первых проблесков его сознания, во всех отношениях интересна и поучительна, и потому не мешает остановиться на тех годах его жизни, когда ему «были новы все впечатления бытия», на дошкольном его периоде, на домашней обстановке, семейных отношениях, на всем том, из чего мало-помалу складывается характер ребенка, что влияет на развитие его наклонностей, на его умственный рост.

В семье Маминых веяло скромностью, и воздух был, так сказать, насыщен трудолюбием, работой. «Приход у отца, – рассказывает в своих воспоминаниях Дмитрий Наркисович, – был маленький, и соответственно с этим были малы доходы. Деревенские приходы, конечно, были лучше, особенно в благословенном Зауралье, но отец ни за что не хотел туда идти, потому что там священники ходят по приходу с „ручкой“, собирая „петровское“, „осеннее“ и „ругу“. Он предпочел свою бедную заводскую независимость». Это был человек глубоко нравственный, здоровый духом, бодрый телом, пользовавшийся в семье огромным авторитетом. Сильный, ласковый, добрый и всегда серьезный, «везде отец выступал в ореоле своей спокойной, мужественной любви, которая проявлялась с особенной силой, когда мы, дети, – говорит Дмитрий Наркисович, – бывали больны. Стоило ему войти в комнату, как уже чувствуешь себя лучше... Отлично помню, что в детстве я совсем не испытывал страха смерти... Я объясняю это тем, что всегда около был отец, спокойный, ласковый, строгий». Несмотря на свои плохие недостатки, Мамин-отец, страстно любя книги, затрачивал на них последние гроши. На соседнем Тагильском заводе доморощенный столяр смастерил ему убогий книжный шкаф, скоро расстрескавшийся и облупившийся. Приобретение шкапа было сопряжено с хлопотами и затруднениями, и эта вещь сделалась семейной святыней, самым замечательным предметом в свете, «особенно, когда на полках шкапа разместились переплетенные томики сочинений Гоголя, Карамзина, Некрасова, Кольцова, Пушкина и многих других авторов».

Почти с благоговением смотрел отец Наркис на свои книги. «Это наши лучшие друзья, – любил он повторять: – и какие дорогие друзья!» Дмитрий Наркисович вспоминает, что у них в доме «книга играла главную роль», и его отец «пользовался каждой свободной минутой, чтобы заняться чтением». «Это мой отдых», – говорил он. Вообще в воспоминаниях нашего писателя отец так и сохранился «как человек, который был вечно занят и отдыхал только за книгой или газетой». Как относился этот прекрасный человек к окружающему, как благотворно влиял он на своих детей, мы имеем указания также в воспоминаниях Дмитрия Наркисовича «Из далекого прошлого». В качестве священника, о. Наркис знал свой приход, как свои пять пальцев, особенно горе и бедность своей паствы. «В нашем доме, – говорит писатель, – как в центре, сосредоточивались все беды, напасти и страдания, с какими приходится иметь постоянное дело истинному пастырю. Эти постоянные разговоры о страданиях

придавали общему складу нашей жизни немного печальный характер, а наша скромная обстановка казалась какой-то роскошью. Да, там, за стенами нашего дома, были и голодные сироты, и больные, и обиженные, и пьяные, и глубоко несчастные... Мысль о них отравляла то относительное довольство, каким пользовалась наша семья, и мне глубоко запали в душу слова, которыми отвечал обыкновенно отец, если я приставал к нему с требованием что-нибудь купить. „Ты сыт, одет, сидишь в тепле, а остальное – прихоти!“ Кажется, что проще этих слов и кто их не знает, но они навсегда остались в моей голове, как своего рода „маленькая программа для личных потребностей“. Это слово „прихоти“ бодрило нашего писателя в самые трудные минуты жизни, когда ему приходилось терпеть лишения и всякие невзгоды, когда он сам себе пролагал дорогу на пути к известности»...

В своих воспоминаниях писатель говорит об отце всегда с трогательной нежностью. Когда однажды он куда-то провожал отца, он старался вызвать все те картины своей жизни, где выступал отец. «Я старался, – повествует он, – припомнить выражение его лица в разных случаях этой жизни, тон его голоса, взгляд добрых и строгих серых глаз, добродушную улыбку, которая постоянно освещала его лицо. Не было ни одного горького воспоминания, ни одного детского упрека, и чем дольше я думал, тем выше и выше вырастал в моих глазах этот благословивший мое детство образ». С неменьшей нежностью относился Дмитрий Наркисович и к матери, которая была такого же типа, как отец его, только казалась ему строже, по его мнению, быть-может, оттого, что она была отвлечена от детей мелкими будничными заботами и к вечеру, после непрерывной дневной работы, она была «рада месту», то-есть отдыхала за работой не суетливой – за шитьем, продолжавшимся бесконечно. Несмотря на все хлопоты по дому, она все-таки умудрялась в течение нескольких лет вести дневник и до самых последних дней своей жизни (она умерла в Екатеринбурге в 1911 году) не засыпала, не просмотрев газеты. «Без работы, – рассказывает Дмитрий Наркисович в своих воспоминаниях, – я не видал ни отца ни матери. Их день всегда был полон трудом. Все утро отец проводил в заводской школе, где занимался один, а там шли требы, чтение и бесконечная работа с разными церковными отчетными книгами». У Лескова выведено несколько положительных, чрезвычайно симпатичных типов «батюшек». К таким типам принадлежал и отец Наркис – чудный семьянин, разумный, сердечный пастырь, развитой человек, внесший хорошие начала в семью, создавший в ней необычную для тех времен обстановку, вполне умственную, в которой закалялся духом, получал правильное воспитание Дмитрий Наркисович, приучавшийся отличать сытых от голодных.

Воспитание это, впрочем, до известной степени было тепличное. «Лет до восьми, – рассказывает наш писатель в очерке „Книжка“, – моя жизнь с братом, который был старше меня года на два, не выходила зимой из границ комнаты, а летом двора, небольшого садика и огорода. „Улица“ для нас еще не существовала, и мы видели со только из окна, или проходили по ней под конвоем няни. Благодаря комнатному воспитанию, мы росли бледненькими и слабенькими господскими детками, которые отличались послушанием и боялись всего, что выходило за пределы нашего дома». Товарищей у юного Мамина не было до самого поступления в заводскую школу. Да и в библиотечке отца, среди его книг, их не было: детские книги совершенно отсутствовали. Мамин, и не подозревавший об их существовании, начал читать прямо классиков – Крылова, Гоголя, Пушкина, Гончарова, а немного позднее – романы Зотова и Загоскина. «Юрий Милославский» произвел на Мамина такое сильное впечатление, что он «на время забыл даже Гоголя и других классиков». Ему было лет десять, когда он увидел впервые детскую книжку с картинками, которую дал ему прочесть новый управляющий Висимо-Шайтанского завода, артиллерийский офицер, человек с большим образованием. С его легкой руки и в домашней библиотеке Маминых появились детские книги: «Детский Мир» Ушинского, затем рассказы и популярные очерки из мира науки Чистякова и Разина. Произведения

этих двух замечательных писателей-педагогов произвели на Мамина неизгладимое впечатление навсегда, дали толчок его уму.

Любимой книжкой Млмина сделались рассказы о завоевании Камчатки, мастерски написанные А. Е. Разиным. «Я прочитал ее, – вспоминает он в своем очерке „О книге“, – десять раз и знал почти наизусть. Нехитрые иллюстрации дополнялись воображением. Мысленно я проделывал все геройские подвиги казаков-завоевателей, плавал в легких алеутских байдарках, питался гнилой рыбой у чукчей, собирал гагачий пух по скалам и умирал от голода, когда умирали алеуты, чукчи и камчадалы. С этой книжки путешествия сделались моим любимым чтением». Около этого времени он познакомился с книгой Гочнарова «Фрегат Паллада». Он «с нетерпением ждал вечера, когда мать кончала дневную работу и усаживалась к столу с заветной книгой. Мы путешествовали уже вдвоем, деля поровну опасности и последствия кругосветного путешествия... Встречались, конечно, много неизвестных мест и непонятных слов; но эта подводные камни обходились при помощи словаря иностранных слов и распространенных толкований». рассказы Разина о природе и её явлениях, о животном и растительном мире внесли много света в душу ребенка и до известной степени положили начала любви его к природе, которую он тонко понимал и ценил, из которой черпал свое вдохновение и силы. Повести и рассказы Чистякова знакомили его с жизнью, научали хоть смутно задумываться над нею. Произведения обоих писателей помогли и впоследствии, когда ему пришлось писать рассказы из жизни детей и рассказы для детского чтения, научив его, как надо говорить с детьми, выражать свой душевный мир. Стоит прочесть его «Черты из жизни Пепко», чтобы убедиться в этом несомненном влиянии на Мамина упомянутых двух писателей, М. Б. Чистякова и А. Е. Разина, необыкновенно искренних, задушевных, ласкающих своею теплотою и нежностью тона. Все эти черты присущи и таланту Мамина.

Когда братья Мамины начали посещать заводскую школу, они как-то сразу получили полную свободу, какую только могут пользоваться дети, и прежнее чувство страха, ко всему, что было вне их комнат, исчезло в них. «Смелости и предприимчивости оказался даже излишний запас, выражаясь в школьных драках и соответствующих возрасту шалостях». Дмитрий Наркисович «два раза тонул, приходил домой с синяками, подвергался разным опасностям, уже совсем не по возрасту». Это совпало с нахлынувшими шестидесятыми годами, когда даже в самой глухой провинции явились новые книги, популярно-научные, главным образом по естествознанию. С книгами появились и новые люди, причастные к администрации завода, которая после 19 февраля уже утратила свой исключительный крепостнический характер. Новые люди посвятили Дмитрия Наркисовича в новую веру. Когда он со своим неразлучным товарищем бродил с ружьем по соседним горам и заходил на знаменитые платиновые прииски, у одного бывшего студента, жившего на этих приисках, он увидел в конторе на полочках книги, неизвестные ему до тех пор даже по названию: переводы сочинений Шлейдена, Молешота, Фогта, Ляйеля. «Перед нашими глазами, – замечает Мамин, – раскрывался совершенно новый мир, необъятный и неудержимо манящий к себе светом настоящего знания и настоящей науки. Мы были просто ошеломлены и не знали, за что взяться, а главное, как взяться „с самого начала“, чтобы не вышло потом ошибки... Имена прежних любимцев, как Загоскин, Марлинский, Лажечников и другие, сразу померкли и стушевались. Выступали вперед другие требования, интересы и стремления». Это, конечно, не помешало юному Мамину отдаваться и доступным удовольствиям: охоте, рыбной ловле, катанью по реке и т. д. Во всем этом родители уже не мешали ему, и будущий певец Урала наглядно знакомился с географией и этнографией края, присматривался к людям, к заводскому рабочему, к мужику, и одни впечатления сменялись другими. Из них потом, с добавлением виденного в более зрелом возрасте, получился тот громадный, интереснейший материал, который увлекательно разрабатывал Мамин-Сибиряк и который дал жизнь, движение, массу драматических положений, столько чудных бытовых картин, пестроту и разнообразие ярких красок его многочисленным произведениям.

Отец Наркис, из собственного горького опыта зная, что такое бурса, намеревался отдать сыновей в гимназию, но средства не позволяли, и, скрепя сердце, он стал готовить детей в духовное училище. Дмитрию Наркисовичу шел тогда двенадцатый год, и он готовился целое лето, что вовсе не стоило ему большего труда: у него была чудная память, и, если он прочитывал два раза две-три страницы текста, он «мог повторить их из слова в слово, а латинские и греческие склонения и спряжения он не учил, а только читал; прочтет один раз, и дело готово. Через три года, после жестокого тифа, он навсегда утратил эту память» К осени приготовления были кончены, и 7 сентября 1864 года Дмитрий и Николай Мамины поступили в екатеринбургское духовное училище и были зачислены в высшее отделение, причем Дмитрий оказался слабее и был принят условно Отец Наркис, поместив детей на квартиру, сам уехал погостить к тестю. И вот юный Мамин впервые соприкоснулся с сумерками жизни. Ошеломляюще действовала на него вся обстановка бурсацкого учения. «Я, – с грустью вспоминает он, – совершенно растерялся, как теряется вылетевший из теплого гнезда неоперившийся цыпленок. Отец вернулся и, вероятно, без слов заметил, что дело не ладно»... Он вызвал нежной лаской сына на откровенность, и тот рассказал, какой гнет давил его, какое это ужасное место – «высшее отделение» училища – отчаянная бурса, рассказал всех вообще училищных порядках.

Не долго думая, отец увез сына обратно домой, где Дмитрий Наркисович, по его словам, провел целых два года «без определенных занятий». Он часто коротал время в одиночестве, и его единственным удовольствием были книги, сводил кое-какие знакомства, отдавался созерцанию природы. Особенно занимали его горы, «милые зеленые горы», которые так мастерски изображены в разных его рассказах и которые он наблюдал, изучал с самого детства из окон родительского дома, а позднее – непосредственно среди них, когда из бурсы приезжал на каникулы летом. Когда юный Мамин жил дома, он часто слышал объяснения отца, говорившего, что дальние горы уже в Азии, и что семья живет на самой границе. Дело в том, что старый деревянный дом о. Наркиса смотрел на площадь пятью большими окнами и был замечателен тем, что с одной стороны окно выходило в Европу, а с другой – в Азию. Водораздел Уральских гор находился лишь верстах в четырнадцати. В «границе» для чуткого ребенка заключалось что-то особенно таинственное, разделявшее два совершенно несоизмеримых мира. На востоке горы были выше и красивее, «но, – говорит Мамин, – я любил больше запад, который совершенно прозаически заслонялся невысокой горкой, Конкурниковой. В детстве я любил подолгу сидеть у окна и смотреть на эту гору. Мне казалось иногда, что она точно сознательно загромождала собой все те чудеса, которые мерещились детскому воображению на таинственном далеком западе... Восток не давал ничего, и в детской душе просыпалась, росла и назревала таинственная тяга именно на запад»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.